

**№ 150. ДОБРЫНЯ НИКИТИНЕЦ
(ДОБРЫНЯ И АЛЕША)**

- Ох, как во славноём во городи во Киеви,
Да у ласкового у князя у Владимира, —
А ще ласковой — та князь да стóльнё — киевьськой
В одну пору, в одно времячко
5. Он завел — то вот ы славной тут честный пир,
Вот и открывал — то он честное перованьице.
Пригласил к себи всех князей да всех бояринов,
Уж он русских могучиих богатырей,
Полениць призвал к соби удалых.
10. Да увси тогда на пер прибиралисе,

597

- Да увси они да на перу да разгулялися,
Они увси ту(т) на пиру да угощались.
Они вси тут да принапилися,
Оны сделались вси да в хмельном разуми,
15. Ах и вси тогда оны тогда порасхвастались.
Ой да умной хвастал — то всё житьем своим,
А безумный — то хвастал всё богатством,
Да иной — то тут всё цветным платицём,
Да который — то похвастал да добрым конем,
20. А и Дюк Степанович своею удалюю,
Да Олешенька Попович да своею смелостью,
А Чури́ла да Шаплёнкович своим наречием.
Говорил тогда Василий свет Буслаевич:
— «У меня таперь, у доброго у молодца,
25. Куньи шубоньки висят у нас не ношены,
Добры комони стоя(т) у нас не ежжаны;
Золотой казны да сметы нет.»
А един тогда Добрыня свет Никитинич,
Он один ничим не хвастаё.
30. Говорил тогда — от князь да таковы слова
Он Добрынюшки Никитичу:
— «Вот вси — то у меня — то тут расхвастались,
А и что же ты, Добрыня свет Никитинец,
Да е один ничим не хвастаёшь?»
35. Отвечал в ответ Добрыня таковы слова,
Он и князю да Владымыру:
— «Ах вы, ласковой да князь красно — солнышко,

- Не осмелюси тебѹ да слѡва вымолвить,
Вот и нечем топерь мни выхвастывать.
40. Ах и нету ни именья, ни богачества,
Ах и нету — то без счету золотой казны, —
Только есть одна по ндраву молода жена,
Молода жена, да любимá семья,
Любимá семья, Наталья свет Никулишна!»
45. В тую пору, в тое времечко
Разгневались — то тут русьские богáтыри
На того — то на Добрыню на Никитича,
Насказали оны князю да й Владимиру,
Что и есть в полѹ таперь наезники,
50. А и ищут — та оны таперь да поединщика,
Да нам нет кого туды отправить,
Окромя того Добрынюшки Никитича:
У Добрынюшки есть силушка великая,
У Добрынюшки лошадушка звериная, —
55. Приочистит вси широкии дороженьки,
Тогда и смела нам везди выежжать будѣт.
Они думали — скорѣшенько придумали,
И скоренько да надумали,
Да назначили Добрыню тут на заставу.
60. Говорит тут князь да стольно — киевской:
— «Ты послушай — ко, Добрыня свет Никитинич,
Поежжай — ка, брат, на заставу,
- Поежжай — ка, отправляйся, брат, немедленно,
Очищай ты вси широкии дороженьки,
65. Чтобы смело нам везде да выежжать будѣ, —
Не надолго поежжай — на двенадцать лет!»
Тут стоял тогда Добрыня на резвых ногáх,
Становился на гридню на столовую, —
Задрожали у него да реэвы ноженьки,
70. Помутились у него да очи ясные,
Ай поблекло у него да личко белое.
В тую пору, в тое времячко
(В)стал Добрыня свет Никитинич, —
Он кресты положил по — писаному,
75. Все поклоны он провел по — ученому,
На вси нá три тут, на четыри на сторонушки,
А и князю — то Владимиру в особину.

- Отправился со перу он со честного,
Выходил час со терема высокого,
80. Со палаты белокаменной.
И он по лестницам — то шел — слезны плачетсы,
Он к дверям — то — богу молится.
Выходил со того двора широкого,
Подходил к своему двору широкому,
85. Подходил ко палаты своей каменной.
В тую пору, в тоё времячко
Как сидела — то родитель ёго маменька
Пожилá вдова Офимья Александровна
Во высоком злаченоем во тереме
90. Под косйтчатым окошечком,
Вот смотрела сквозь хрустальнё стеколышко.
Увидала тут Добрынюшка Никитича
Да й проход со перу тут со чёстного.
Как тогда Добрыня свет Никитинич,
95. Он взошел да на широкий двор,
Не входил в палату белокаменну,
Не являлся он в высок терём,
Заходил прямо во стойло лошадиное,
Уж и брал он там кóня доброго,
100. Золоту узду он брал тогда со стопочки,
Шолковúю плеть со гвоздика,
А черкальска седельшко со мёстичька,
Выходил да на широкой двор.
Говорила тут Офимья Александровна
105. Да й Настасье свет Микулишной:
— «Как прошол — то й наш удалой добрый мóлодец,
Он й с перу и с чёстного.
Он и шол и с перу, не весёл прошол,
Не весёл прошол, не радошен, —
110. Преклонивши младая головушка,
Изменивши да личко белое,
Утопивши у него да очи ясные
Ах да во матушку сыру землю.
Не является он что — то во высок терём!»
115. Говорила тут Настасья свет Никулична:
— «Ой бежи — ко ты скорее во широкий двор,
Уж и где он теперь да прокладается,

- К нам во терем что же долго не является?»
Тут бежала да Офимья Александровна,
120. Ах скорошенько бежала на широкий двор,
Увидала своего да сына милого,
Увидала тут Добрыню свет Никитича.
Он уздает—седлает кóня доброго,
Полагает он войлучки мягкие,
125. Ой на войлуки седельшко черкальськое,
Он затягивает затяжечки шелкóвые,
Затягивает он пряжечки злаченные, —
Тут затяженьки, пряженьки от дождичка не ржавеют.
Подходила тут родитель его маменька,
130. Ай честна́ вдова да Офимья Александровна,
Говорила ему да таковы слова:
— «Ну вот а й мое да чадо милое,
Что же ты и с перу не весёл, пришол,
Не весёл пришол, не радошен?
135. Или место там тебе было не по́ чину?
Или чарой там тебя приобносили?
Ли какая собака приоблаяла?
Наконец куда теперь да отправляешься,
Да далече ли таперь да отдаляешься,
140. К нам во терем ты да не являешься?
Нам когда тебя таперь в окошечко посматривать?»
Тут Добрынюшко—то маменьке говаривал,
Да своей—то он родименькой высказывал:
— «Ты не спрашивай, родитель моя маменька,
145. Ты не спрашивай меня да не выведывай,
Моему таперь ретивому сердеченьку
Не давай ты мне великой надзолушки!
Уж как ты меня несчастного породила!
Зародила ты на свет меня несчастного,
150. Зародила неталанного,
Зародила ты на свет меня несмелого,
Зародила ты нерезвого,
Спородила ты меня да неудáлого!
Уж ты лучше бы меня да ни родила бы,
155. Уж ты лучши во чреви́ да задавила бы,
Ты во сырóm дубу́ ты меня да заморила бы,
Во синём мору́ меня затопила бы,
Да на белый свет меня да не спустила бы!

- Уж я лучше бы, молодёц, нерóжен был,
160. Уж я лучше бы нерóщен был,
Все бы лучше бы мóлодец нежёнен был,
Уж и лучше бы на пер неприглошонный был!
Зародила б ты, родитель меня маменька,
Уж ты удалю в Дюка Степановича,
165. По наречью в Шурíлу Шаплёнкова,
Уж ты смелостью в Олёшуньку Поповича!

600

- Уж как был — то я на честнóм пиру,
Было место мне да и пó чину,
Да и чарой — то меня не обнёсили там,
170. Никакая тут собака не обля́яла.
Вот и вси — то на пиру да напивались,
Вот и вси — та порасхвастали.
У миня — та как, у доброго у мóлодца,
Не хватило разума в головушку,
175. Да на малой не хватило на единый час, —
Уж я глупой — неразумной повыхвастал,
Уж похвастал я да молодой женой,
Молодой женой, да любимóй семьей,
Любимóй семьей, Настасьей свет Никулишной.
180. Россердились тут ведь русские богатыри
На́ меня теперь, на доброго на мóлодца,
Насказали — то князю да й Владимиру:
«А и ищут соби да поединщика наездники,
А нам ведь некого отправить ё,
185. Окромя́ нам Добрыни свет Никитича!»
Вот назначили меня таперь на за́ставу
Не надолго — на двенадцать лет.
А ты бежи скорей во высок терём
Да скажи Настасье свет Никулишной,
190. Если хочет увидеть, — пускай сейчас придет,
А не хочет увидеть, — пускай к окну не идет!»
Оны с маменькой тогда да распрощались,
Оны горькими слезамы обливались.
Тут побежала — то Офимья Александровна
195. Да скоренько во высок терём,
Говорила тут Настасье свет Никулишне:
— «Ты сидишь ты во высóкоём во тереме,
Над собой ты невзгодушки не ведаёшь;

- Ведь уежжаёт — то свет наше й любимоё,
200. Отъежжаёт — то наш удалой добрый молодец
И седлает — уздает — та коня доброго.
Ты бежи скорее таперь на широкой двор,
Ты выпрашивай его да выводывай:
Нам когда его пождать, когда в окошечко посматривать?»
205. Тут бежала Настасья свет Никулишна
Да скоренько да на широкой двор,
Увидала там Добрынюшку свет Никитича.
Он сидит да там на добром коне,
Он да держит — то во ручке плеточку шелковую.
210. Подбегала она тут к нему скорёшенько,
Забегала — то с плеча, да боку правого,
Да ко той — то ко правой стремяночки,
Тут смотрела она на него еще прямёшенько,
Говорила ему она милёшенько:
215. — «Ай же ты, Добрыня свет Никитинеч,
Ты куда таперь от нас отправляешься?
Ты далечя ли отдаляешься,
Нам во терем сегодня не являешься?
- Нам когда тебя пождать?
220. Когда в окошечко посматривать?»
Тут сидел — то Добрыня свет Никитинец,
Шолковой плеткой частёшенько помахивал,
С молодой женой Добрыня разговаривал,
Говорил он ей таковы слова:
225. — «Ну вот а й да ты, моя да молода жена,
Молод́а жена, да любима́ семья,
Любима́ семья, Настасья свет Никулишна!
Когда ты про за́ставу стала выпрашивать,
Тогда я буду тебе рассказывать:
230. Уежжаю я таперь на за́ставу,
Не надолго уежжаю — на двенадцет лет.
Уж ты год не жди миня, друго́й не жди,
Ты на третий год в окошечко не взглядывай.
Уж как буду я стоять я там на за́ставы,
235. Не приеду к вам домой да из чиста́ поля.
Приежжать к вам будут гости да немилые,
Привозить вам будут вести нехорошие:
«А и нет в жива́х Добрыни свет Никитича,

- Отрублена его буйная головушка!» —
240. Ты не верь, Настасья свет Никулишна,
Ни князьям не верь и не бояринам,
И ни могучиим богатырям.
И частёшенько будут приежживать,
И близёшенько будут подхаживать,
245. Да милёшенько вам будут разговаривать,
Да в очах будут тебя обманывать,
А и замуж — то тебя будут тут подсватывать, —
Ты жди того времечки двенадцать лет.
На проход будет времени двенадцать лет,
250. Как не приеду если со чиста поля,
Ты не верь, моя Настасья свет Микулишна,
Ты частёшенько в зеленый сад похаживай,
На кудрявые рябиночки посматривай,
Как прилётит тут голубь со голубкою,
255. С куста на куст будут перелетывать,
Промежду собой будут возгүркивать,
Что нет жива Добрыни свет Никитича,
Да отрублена — та и буйная головушка,
Он головушкой лежит да под ракивов куст,
260. А резвыма ногаы ко Пуцай — реки,
А сквозь толстые кудёрышки трава растет,
Ты потом, моя Настасья свет Никулична,
Хоть вдовой живи, да хоть замуж поиди,
Хоть за князей поди, хоть за бояр поди,
265. Хоть за русьских могучиих богатырей, —
Только ни ходи — ко ты, Настасья свет Никулична,
Ты за смелого Алешу за Поповича,
Та и за женьского насмешника!»
Ах и тут у Настасьи свет Никулишной
270. Задрожали ручки белые,

602

- Ах подрезало у ё и ножки резвые,
Помутились очи ясныё,
Вот поблекло у ей — то личко белоё,
Она горькима слезами тут заплакала,
275. Не могла стоять на резвых на ноженьках,
Тут упала о сыру землю.
Приклонился тут Добрыня свет Никитинич,
Он прощался с своей молодой женой, —

- Она видела Добрыню только сядучи,
280. Не видала с шірока двора поедучи.
Не воротамы поехал тут широкима,
Да скочил — та через стену городóвую.
От ёго пошли поездки богатырские,
От коня пошли поступки лошадиные, —
285. А в чистóm полú пыль столбом стоит.
Тут отправился Добрынюшка на зáставу,
Он далече во чистó полё,
Уж и как стал да й Добрыня свет на зáставы.
Тут неделя за неделей быд — то дожжь дожжьжит,
290. Месяцы идут, как ручей бежит.
А и времячко идет, как река шумит, —
А не видно тут Добрыни из чистá поля.
Как прошли тут времичка трú годá,
Тут не видно Добрыни из чистá поля.
295. Приходила тут родитель его маменька,
Пожила вдова Офимья Александровна,
Приходила она тут ко князю ко Владымыру,
Горько тошно тут она да покаряласи,
Она низко да поклоняласи.
300. Тут не белая березка к земли клóнится,
Не сучечки ко земли да приклоняются,
Не листочки по земли да расстилаются,
Поклоняется да родитель его маменька.
Говорила — то тут — ко князю таковы слова:
305. — «Ай же ты, князь крáсно солнышко,
Ты за что послал моего чада милого,
Чада милого, дитя любимого,
Вы отправили его теперь на зáставу,
Вы безвинного его да беспричинного?»
310. В первой винушке вы простите — ко,
Да со зáставы его да воротите — ко!»
Отвечал — то князь во ответ да стóльнё — киевьськой:
— «Вот приказáнное да пополнять надó!»
Теперь времячко будто дожжь дожжьжит,
315. Теперь месицы́ идут, что ручей бежит,
А наше времечко идет, что река шумит.
Как прошло того времени шесть годов, —
А не видно Добрынюшки с чистá поля.
Тут отправил тут князь да стóльно — киевской

320. Тут Олешеньку Поповича
Да узнать (о) Добрынюшке Микитиче.
Он послал его во чистó полé.
- Он приехал со чистá поля
Ко князю ко Владимиру,
325. Говорил он да таковы слова:
— «Что нет живá Добрыни свет Никитича,
Да й отрублена да буйная головушка,
Он головушкой лежит под ракивов куст,
А резвыма ногамы ко Пуцáй—реки,
330. А сквозь желтыи кудэрышки трава растет!»
Говорил тогда—от князь да стольно—киевськой:
— «Поди съезди ко Настасье свет Никулишной,
Ко Офимье Александровной,
Ты снеси—ко весть нерадостну!»
335. В одну пору тут тогда, в одно времячко,
Тут приехал тогда Олешенька Попович вот.
Без доклада он приехал на широкий двор,
Не воротами широкима, —
А скочил через стену городóвую,
340. А слезал да со добрá коня,
Привязал коня дóброго
Ко тому столбу да ко точеному,
Ко тому кольчú да золоченому.
Он без допросу идет в палату белокаменну.
345. Он явился во высок терём,
Становился на грúдень на столовую,
Он кресты полагал да по—писáному,
Вси поклоны тут провел тут да по—ученому,
На вси нá три, на четыре на сторонушки,
350. Да Добрынюшкиной маменьки в особину.
— «Уж ты здравствуй—ко, Добрынюшкина маменька,
Пожила вдова Офимья Александровна,
Я приехал—то топерь да из чистá поля,
К вам привез да весточку нерадостну,
355. А вот нет живá Добрыни свет Никитича,
Ай отрублена у него—то буйная головушка!»
Вот тут горько—тошно порасплакались
По Добрыне по Никитиче.
Вот уехал тут Алеша с широка́ двора.

360. Прошло времени опять как дождь дожджит,
Год за годом, как река бежит,
Прошло того времени девять лет, —
Нет Добрынюшки Никитича с чиста поля.
Стал частёшенько Олешенька поежживать,
365. Стал Добрынину жену замуж посватывать.
Как прошло — то ровно времени девять лет, —
Не приехал — то Добрыня со чиста поля.
Тут приехал князь со княгинею,
Со Опраксией Никулишной,
370. Да с Олешенькой Поповичем,
Они сватать Настасью свет Никулишну
За Олешу свет Поповича.
Принимала тут Настасья свет Микулишна,
Принимала она тут дорогих гостей,
375. И угощала она да гостей милых.
Она князя подарила полотёнышком,
Да княгиню тут коси́ночкой,
А Олешу угостила калено́й стрелой,
Говорила ему да таковы слова:
380. — «Уходи — ка ты, кабацькая подпорина,
Уходи — ка ты, табачная заморина,
Уходи ты со терема высокого,
Уежжай с двора от нас широкого,
Чтобы век ко мне да не подхаживать
385. И на нашу б полату не засматривать!»
Уежжал тут князь да со княгинею,
Со Алешею Поповичем.
Как сполонилось тому времени двенадцать лет, —
Не видно Добрынюшки с чиста поля,
390. Приехал — то да князь со княгиною,
Со Олешенькой Поповичем
Сватать снова Настасью свет Никулишну.
Да й сосватали Настасью свет Никулишну
За Олешеньку Поповича,
395. Не охотою взелу́ — неволею.
Развели тута они да славный пер,
Тут открыли они славно перованьице,
Развели тут они пер на двенадцать дён,
Тут ведут они да славный честный пир.

400. В одну пору, в одно времячко
Как сидел Добрыня свет Никитинич,
А под кустышком сидел да под ракитовым,
Прилетели тут голубь со голубкою,
С куста на куст оны стали прилетывать
405. Да промеж собой стали возгүрживать:
— «Вот сидит — то Добрыня свет Никитинец
Да под кустошком ракитовым,
Над собой — то он незгодушку не ведаёт, —
Как его — то молода жена замуж идет
410. За Олешеньку Поповича,
Не охотою идет — берут неволею,
Вот ведут пер на двенадцать дён!»
Разгорелось у Добрынюшки сердеченько,
Расходилась вся сила богатырьская,
415. Как скочил — то он скорее на резвыи ноги,
Он садился на добра коня,
Он отправился скорешенько с чиста поля,
Удалялся он со заставы,
Он поехал в свою сторону.
420. В тую пору, в тое времячко
Вот сидела родитель его маменька
В высокоём злочёном во тереми
Под косувчатым окошечком,
Ой смотрела во хрустальное стеколышко,
425. Ай далече — та й смотрела во чисто поле,
Тут ронила — то она — то слезы горькие,
- Поминала сына родного.
Наглядела там далеко во чистом поле, —
Как не черный ворон с поля пурхае,
430. А и едет со чиста поля наездничек,
Подъезжает ко ею широку двору,
Бело личинько чернешенько,
А одёженька на ём вся грязнешенька,
На лошадушки сидит быдта лесовый зверь;
435. Заежжал — та прямо на широкий двор, —
Не воротыма поехал он широкима,
Он скочил — та через стены городовые,
Да слезал да со добра коня,
А спустил коня да на широкой двор,

440. Он пошел в палату белокаменну.
Он по лестницам пошел — да слёзно плачетсы,
По дверям там — сам он крестится,
Пошел Добрыня во высок терём,
Становился он на грѣдню на столовую.
445. Он кресты тут положил да по—писаному,
Вси поклоны тут провел да й по—ученому.
— «Уж вы здравствуй—ко ты, Добрынюшкина маменька,
Пожилá вдова Офимья Александровна!
Я приехал—то теперь да из чистá поля,
450. Уж как я вам от Добрынюшки поклон привез.
Скоро Добрынюшка прибудет к вам.»
Отвечала как Офимья Александровна,
Говорила она да таковы слова:
— «Ай же ты, незнаем дóбрый мóлодец,
455. Не говори ты мни таких собѣ обидных слов,
Не делай моему ретивому сердечушку надзолушки, —
Двенадцать лет прошло, как Добрынюшки живого нет,
А Добрыни молода жена замуж идет
За. того ли за Олешу за Поповича.
460. Не охотою идет — берут неволею,
Да назначен теперь да пер да на двенадцать дѣн.»
Говорит тогда Добрыня свет Никитинец:
— «Ай же ты, Офимья Александровна,
Уж ты дай—ко мне одёженьку Добрынину,
465. Уж ты дай—ко мне гусѣлышки Добрынины, —
Я пойду туды на славной пир.»
Говорит тогда Офимья Александровна:
— «Не проси—ка ты одёженьку Добрынину,
Не проси—ка ты гусѣлышки Добрынины,
470. Не ходи ты да на славный пир.
Да везди—ту у дверей—то караул стоит,
Не пропустят тебя на славный пир,
Один ты туда незван идешь,
Не оставят тебя там во живности, —
475. Унесешь тогда ты одёженьку Добрынину,
Изведешь ты только гусѣлышки Добрынины,
Оставь ты мне их на погляжѣньице!»
Говорит Добрыня свет Никитинец:
— «Дашь одёженьку — возьму,

480. Да и не дашь — возьму,
Дашь гусёлышки — возьму,
Да и не дашь — возьму;
Благословишь — пойду,
Не благословишь — все равно пойду!»
485. Тут заплакала Офимья Александровна,
Принесла ему одёженьку Добрынину,
Принесла ему гусёлышки Добрынины,
Принесла, заплакала горючьми слезьми,
Снабдила тут уда́ла до́бра мо́лодца
490. Да отправила на славный пир, —
Не узнала никак сына ро́дного.
Вот подходит он ко палаты белокаменной,
Вот подходит он ко перу да ко че́стному, —
Там везди да караул стоит,
495. Не пускает Добрынюшку на славный пер.
Рассердился тут Добрынюшка Никитинец,
Расходилось у Добрынюшки сердечушко,
Расходилась сила богатырьская.
Как стал он руками пош́ркивать,
500. Как стал он гусёлкама помахивать,
Куда ма́хнет — тут и улочка,
Перема́хнет — переулочек,
Как за руку захватит — рука долой,
А е́дному — голова долой.
505. Вот пробрался во палату белокаменну,
Вот явился он на славный пир,
Становился он на грѹдню на столовую.
Он крестя́ положил да по—писа́ному,
Вси поклоны он провел да по—ученому,
510. На вси на́ три, на четыре на стороны,
А и князю со княгинею в особину.
Говорил тогда князь да сто́льнѹ—киевьско́й:
— «Вот вси у нас—то гости званые,
Да и вси—то приглашения,
515. А один—то гость незван пришол.
А куда же тебя, гостя, да посадить топерь?»
— «Куда поса́дитя, — я там сижу,
Что й достанется, — то ем да пью!»
Говорил тогда князь да сто́льнѹ—киевьско́й:
520. — «Твое место—то — за печкой за му́раво́й!»

- Вот заставился Добрыня свет Никитинич,
Он за печку за муравую.
Стал Добрынюшка за печенькой постаивать,
Стал с— за печеньки частёшенько посматривать.
525. Говорил тогда Добрыня таковы слова:
— «Мне позволтя— ко, пожалуста,
Хоть и раз сыграть в ярóвчаты гусёлышки!»
Да й дозволили Добрыне свет Никитичу.
Стал за печенькой Добрынюшка постаивать,
530. Стал частёшенько с— за печеньки посматривать,
Стал веселёшенько в гусёлышки выигрывать.
На перу тогда игра да всим пондравилась, —
Стоят естушки сахарныи не ёжены,
Стоят питьюшки не питые,
535. Стоят чарушки да не выпиты.
Говорит княгиня обручёная:
— «Во эти— то гусёлки прежний муж играл.
Вызывайте— ка с— за печки его с— за муравоёй,
Садите ко столу да ко чёстному.
540. Пусть сидит, да где ему место нравится,
Угощайте его как и всих гостей!»
Говорят Добрыне свет Никитичу:
— «Садись к столу ко чёстному,
Садись, где место нравится.»
545. — «Я желаю сесть супротív кутóв,
Насупрóтив самой княгини обручёной.»
А садился Добрыня супротív кутов,
Насупрóтив княгини обручёной.
Подносили ему чару зеленá вина:
550. — «Пей, незнаем добрый мóлодец!»
Говорит княгиня обручёная:
— «Пей, незнаем добрый мóлодец,
На место моего мужа прежнего!»
Стоял Добрыня на резвых ногах,
555. Брал чашу во правú руку,
Спускал туды злачén перстёнъ,
Которым перстнём с Настасьей обручались.
Говорит Добрынюшка княгине обручёной:
— «Ну, когда пригласили меня ко столу ко чёстному,
560. Ну, пей теперь, княгиня обручёная,

- Пей ты чару зеленá вина.
Если хочешь ты видать да добра старого, —
Выпивай — ко эту чáру ты до доньшка.
А если пьешь до дна, — узнаешь добра,
565. А не пьешь до дна, — не видать добра!»
Взяла княгиня обручѐная,
Взяла чару во белú руку,
Понабрала эту чару во праву руку,
Выпивала эту чару да в единый дух.
570. Выпивала княгиня обручѐная,
Выпивала зеленá вина,
Выпивала чару тут до доньшка,
Увидала там злчѐн перстень,
Каковым перстнѐм да обручались.
575. Говорила тут она да такovy слова:
— «Челой век я не надеялась,
Что ведь мой — то муж на сем свете явится,
Да на мою теперь на свадебку объявится,
Да распекло теперь праведное солнышко
580. На мою на победную головушку.
Да не тот мой муж, что со мной сидит,
А тот мой муж, что супротив стоит,
Супротив сидит да на меня глядит!»
Тут окончила Настасья свет Никулишна,
585. Скочила тут через столички дубовые,
Скочила через яствушки сахáрные,
Через питыца медвяные,
Через чарочки непитые,
Она брала — то Добрыню за белы́ руку,
590. Целовала его в уста сахáрнии,
Говорила тут тогда да такovy слова:
— «Ай же ты, да мой — то муж,
Ты, Добрыня свет Никитинич!
Ой ты во той вины да не прощай меня,
595. Ты бери — ка да шелкову плеточку,
Уж ты бей теперь меня до смертельных ран!»
Говорит тогда Добрыня свет Никитинич:
— «Уж в этой вины прошшу тебя, —
Что не охотой идешь, берут неволею, —
600. А Олешеньку — то я не прощу таперь!»

- Как хватáл Олешу за желты́ кудрú,
Выдергáл Олешу с— за стола дубового,
Стал по терему Олешеньку потаскивать,
Стал гусельками Олешу поколачивать, —
605. У Олешеньки— то кости заряжа́йдали.
Говорит тогда князь да стольно— киевськой:
— «Ты оставь его на этот раз во живности!»
И спустил тогда Олешу со белы́х рук, —
Хоть и битой Олеша, только смелой был.
610. Он ставал да на резвы́ ногú,
Он садился ко столу тогда ко чéстному,
Преклонил тут свою да буйну голову,
Говорил тогда вот он да й таковы слова:
— «Ну вот всякой на сём свите пожонитсе,
615. Да не всякому жонитьба удавается!
Удаваласи Добрынюшке Никитичу,
Не удаласи Иванушку Гоудиновичу,
Хуже нет того — Олешеньке Поповичу.
Видно только— то Олешенька женат бывал,
620. Верно столько— то Олешенька с женой сыпáл!»
Говорил Добрынюшка да таковы слова:
— «Уж вы правильно таперь да это сделали?
Я двенадцать лет как выстоял на за́ставу,
А он только отнял да от живá мужá,
625. Только от живá мужá жену отнял!»
Становился он на грúдень на столовыи,
Не полагал креста он по— писáному,
Не давал поклонов по— ученому,
Не кланялся ни князю, ни княгинюшке,
630. Ни князьям да й ни бóярам,
Ни могучиим богáтырям,
Уж взял с собой тогда он молодú жену,
Выходил в тот час со терема высокого,
Подходил к своёму́ двору широкому,
635. Ко палаты белокаменной.
Увидала тут й их родима его маменька,
Ай честна́ вдова Офимья Александровна.
Увидала сквозь хрустальное стеколышко,
Выбегала — то на шúрок двор,
640. Встречала она дорогих гостей.

Тут хватил он свою родитель — маменьку,
Да под правую хватил он тут под мышечку
И занес ее да во высок терём.
Да и стали жить с Настасьей Никулишной,
645. Уж и стали жить да лучше прежнего.